ОБЗОР
практики Конституционного Суда Российской Федерации
за третий квартал 2026 года

Настоящий обзор посвящен постановлениям и наиболее важным определениям, принятым Конституционным Судом Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) в третьем квартале 2026 года.

I
Конституционные основы публичного права

1. Постановлением от 2 июля 2026 года № 45-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений пункта 7^1 части 1 статьи 15 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», статьи 3^3 Федерального закона от 25 октября 2001 года № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», части 3 статьи 8.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и пункта 10 Правил пожарной безопасности в лесах, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 октября 2020 года № 1614.

Указанные взаимосвязанные положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании решается вопрос о возложении на органы местного самоуправления обязанности по организации очистки земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, прилегающих к лесным участкам из состава земель лесного фонда, от сухой травянистой растительности и иных горючих материалов, по созданию на таких территориях противопожарных минерализованных полос или иных противопожарных барьеров, а также о привлечении данных органов к административной ответственности за невыполнение указанной обязанности, в том числе в условиях особого противопожарного режима.

Оспоренные взаимосвязанные нормы признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку в системе действующего правового регулирования они означают, что обязанность по очистке указанных земельных участков, по созданию на таких территориях противопожарных минерализованных полос или иных противопожарных барьеров, при этом непосредственно не предназначенных в силу абзаца второго пункта 70 Правил противопожарного режима в Российской

Федерации для исключения возможного перехода природных пожаров на территории населенных пунктов, может закрепляться за органами местного самоуправления в порядке наделения их федеральным законом, законом субъекта Российской Федерации соответствующим государственным полномочием при условии передачи им необходимых для осуществления такого полномочия материальных и финансовых средств, что исключает привлечение данных органов к административной ответственности за невыполнение указанной обязанности, в том числе в условиях особого противопожарного режима, если они не были наделены соответствующим полномочием в установленном порядке.

Придание иного смысла указанным взаимосвязанным положениям приводило бы к нарушению прав муниципальных образований и вступало бы в противоречие со статьями 12, 54 (часть 2), 55 (часть 3), 130 (часть 1) и 132 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации.

2. Постановлением от 14 июля 2026 года № 48-П Конституционный Суд дал оценку конституционности статьи 22^1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке».

Указанное законоположение являлось предметом рассмотрения в той мере, в какой на его основании решается вопрос о праве налогоплательщика – физического лица, не являющегося индивидуальным предпринимателем, на установление кадастровой стоимости объекта недвижимости в размере его рыночной стоимости для целей определения налоговой базы по земельному налогу и налогу на имущество физических лиц за прошедшие налоговые периоды в случае, когда оспариваемая кадастровая стоимость, подлежащая применению в этих целях, является архивной (т.е. когда на момент обращения лица с соответствующим требованием в Единый государственный реестр недвижимости внесены сведения о новой кадастровой стоимости объекта недвижимости).

Оспоренная норма признана не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой, предусматривая в системе действующего правового регулирования механизм внесудебного определения кадастровой стоимости в размере рыночной стоимости, она не исключает возникновения ситуации, когда такой действующий добросовестно налогоплательщик лишается возможности оспорить архивную кадастровую стоимость объекта недвижимости, которая продолжает использоваться для указанных целей, на основании ее несоответствия рыночной стоимости объекта недвижимости как посредством обращения в

бюджетное учреждение, созданное субъектом Российской Федерации и наделенное полномочиями, связанными с определением кадастровой стоимости, так и в судебном порядке.

Впредь до внесения соответствующих изменений архивная кадастровая стоимость может быть оспорена путем подачи заявления об установлении кадастровой стоимости объекта недвижимости в размере его рыночной стоимости в бюджетное учреждение, созданное субъектом Российской Федерации и наделенное полномочиями, связанными с определением кадастровой стоимости, в течение одного года со дня, когда действующему добросовестно налогоплательщику – физическому лицу, не являющемуся индивидуальным предпринимателем, стало или должно было стать известно о налогово-правовых последствиях установления кадастровой стоимости принадлежащего ему объекта недвижимости (в том числе со дня, когда направленное налогоплательщику налоговое уведомление считается им полученным), а указанное бюджетное учреждение в рамках рассмотрения такого заявления устанавливает кадастровую стоимость объекта недвижимости в размере его рыночной стоимости, которая подлежит применению для определения налоговой базы по земельному налогу или налогу на имущество физических лиц на 1 января соответствующего предшествующего года, в пределах трех лет, предшествующих году подачи такого заявления.

3. Постановлением от 21 июля 2026 года № 52-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 1 статьи 394 и пункта 15 статьи 396 Налогового кодекса Российской Федерации.

Указанные законоположения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании собственники земельных участков, приобретенных (предоставленных) для индивидуального жилищного строительства и используемых в предпринимательской деятельности, признаются плательщиками земельного налога, исчисляемого с применением ставки 1,5 процента и повышающих коэффициентов 2 и 4.

Конституционный Суд отметил, что право субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления определять конкретные ставки региональных и местных налогов, включая их дифференциацию, должно осуществляться так, чтобы налоговое бремя не выходило за пределы, очерченные федеральным законодателем, а максимальная налоговая ставка, закрепленная в федеральном законе, в любом случае обладала бы сдерживающим эффектом. При этом налоговая ставка, наряду с налоговой

базой, имеет определяющее значение для исчисления налога, а порядок исчисления налога, в свою очередь, являясь самостоятельным элементом налогообложения, допускает применение разного рода вычетов, коэффициентов, индексов и иных экономических показателей при определении конечного размера налога. Однако порядок исчисления налога, имея вспомогательное значение в системе налогообложения, не может использоваться законодателем исключительно для максимизации налогового бремени во избежание подмены порядком исчисления налога налоговой ставки, призванной закрепить понятный и предсказуемый уровень налоговых изъятий.

Федеральный законодатель при реализации дискреционных полномочий должен учитывать сложившееся ранее в правоприменительной практике понимание отдельных положений налогового законодательства, а также системно подходить к внесению изменений, обеспечивая предсказуемость и плавность перехода к новым налоговым условиям, что невозможно без должной степени определенности новых правовых норм и их согласованности с уже действующей системой правовых предписаний.

Оспоренные положения признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования они порождают правовую неопределенность и противоречивую практику применения в отношении указанных земельных участков повышающих коэффициентов при исчислении земельного налога.

Конституционный Суд отметил, что данное Постановление не имеет обратной силы, действует на будущее время и не является основанием для пересмотра исполненных налогоплательщиками обязательств по уплате земельного налога за предшествующие его вынесению налоговые периоды, а также текущий налоговый период, за исключением налоговых обязательств заявителя и налогоплательщиков, обратившихся до вынесения этого Постановления за судебной защитой, дела или жалобы которых на указанный момент поданы и (или) находятся на рассмотрении (изучении) судов (в том числе максимально высокой для данной категории дел инстанции). При рассмотрении таких дел (жалоб) следует учитывать, что все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах подлежат толкованию в пользу налогоплательщиков (пункт 7 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации).

Повышающие коэффициенты, предусмотренные пунктом 15 статьи 396 Налогового кодекса Российской Федерации, не могут применяться при исчислении земельного налога в отношении земельных участков, которые предназначены для индивидуального жилищного строительства и

используются в предпринимательской деятельности и ввиду этого облагаются по налоговым ставкам, установленным в пределах 1,5 процента в соответствии с подпунктом 2 пункта 1 статьи 394 данного Кодекса, начиная с нового налогового периода, если федеральным законодателем не будет – с учетом пункта 6.1 мотивировочной части данного Постановления – установлено иное.

4. Определением от 7 июля 2026 года № 2078-О Конституционный Суд проанализировал пункт 1^1 и подпункт «в» пункта 24 статьи 38 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

В соответствии с оспоренными положениями статьи 38 указанного Федерального закона:

не позднее чем за один день до дня заседания избирательной комиссии, на котором должен рассматриваться вопрос о регистрации кандидата, списка кандидатов, кандидат вправе вносить уточнения и дополнения в документы, содержащие сведения о нем, а избирательное объединение – в документы, содержащие сведения о выдвинутом им кандидате (выдвинутых им кандидатах), в том числе в составе списка кандидатов, и представленные в соответствии с пунктами 2 и 3 (при проведении выборов в федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, выборов глав муниципальных районов, глав муниципальных округов и глав городских округов также документы, представленные в соответствии с пунктом 3^1) статьи 33 данного Федерального закона, а также в иные документы (за исключением подписных листов с подписями избирателей и списка лиц, осуществлявших сбор подписей избирателей), представленные в избирательную комиссию для уведомления о выдвижении кандидата (кандидатов), списка кандидатов и их регистрации, в целях приведения указанных документов в соответствие с требованиями закона, в том числе к их оформлению; кандидат, избирательное объединение вправе заменить представленный документ только в случае, если он оформлен с нарушением требований закона (пункт 1^1);

основанием отказа в регистрации кандидата является отсутствие среди документов, представленных для уведомления о выдвижении и регистрации кандидата, документов, необходимых в соответствии с данным Федеральным законом, иным законом для уведомления о выдвижении и (или) регистрации кандидата (подпункт «в» пункта 24).

Конституционный Суд отметил, что в системе действующего правового регулирования применение оспариваемых норм предполагает обязательный учет ранее выраженных им правовых позиций, согласно которым кандидат, выдвинутый избирательным объединением (политической партией), не лишен возможности в установленном законом порядке определить способ устранения недостоверности (ошибочности) представленных при уведомлении о выдвижении документов, вследствие чего имеющиеся в них погрешности в указании даты его рождения не могут служить безусловным (бесспорным) основанием для принятия избирательной комиссией решения об отказе в регистрации.

Соответственно, избирательные комиссии и суды общей юрисдикции не вправе игнорировать конституционно-правовой смысл оспариваемого регулирования при принятии решения о регистрации кандидата и оценке его законности и обоснованности. Иное в демократическом правовом государстве расходилось бы со свободными выборами и равенством гарантий избирательных прав граждан, влекло бы допустимость их произвольного ограничения и отступало бы от поддержания взаимного доверия государства и общества, чем вступало бы в противоречие со статьями 1 (часть 1), 3 (часть 3), 19 (часть 1), 32 (часть 2), 55 (часть 3) и 75^1 Конституции Российской Федерации.

5. Определением от 24 сентября 2026 года № 2439-О Конституционный Суд проанализировал положения пункта 8^1 статьи 1 и статьи 22^1 Федерального закона от 31 мая 1996 года № 61-ФЗ «Об обороне», пункта 5 статьи 1 и абзаца первого пункта 5^1 статьи 2 Федерального закона от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» во взаимосвязи с подпунктом 2^4 пункта 1 статьи 3, а также подпунктом 10 статьи 4 Федерального закона от 12 января 1995 года № 5-ФЗ «О ветеранах».

Согласно положениям пункта 8^1 статьи 1 Федерального закона «Об обороне» для выполнения отдельных задач в области обороны привлекаются добровольческие формирования, содействующие выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации (войска национальной гвардии Российской Федерации), в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (войск национальной гвардии Российской Федерации) за

пределами территории Российской Федерации (далее – добровольческие формирования).

Статья 22^1 Федерального закона «Об обороне» содержит основные положения о создании и деятельности добровольческих формирований, а также об условиях поступления в такие формирования и пребывания в них.

В соответствии с оспариваемыми положениями Федерального закона «О статусе военнослужащих»:

органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, федеральные государственные органы, органы местного самоуправления и организации вправе устанавливать в пределах своих полномочий дополнительные социальные гарантии и компенсации военнослужащим, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, и членам их семей (пункт 5 статьи 1);

социальные гарантии и компенсации, которые предусмотрены данным Федеральным законом, федеральными конституционными законами и федеральными законами для военнослужащих и членов их семей, предоставляются гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях, предусмотренных Федеральным законом «Об обороне», и членам их семей в случаях и порядке, которые предусмотрены данным Федеральным законом, другими федеральными законами (абзац первый пункта 5^1 статьи 2).

Согласно оспариваемым положениям Федерального закона «О ветеранах»:

к ветеранам боевых действий относятся лица, заключившие контракт (имевшие иные правоотношения) с организациями, содействующими выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в ходе специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики с 24 февраля 2022 года, а также на территориях Запорожской области и Херсонской области с 30 сентября 2022 года (подпункт 2^4 пункта 1 статьи 3);

к инвалидам Великой Отечественной войны и инвалидам боевых действий относятся лица, заключившие контракт (имевшие иные правоотношения) с организациями, содействующими выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в ходе специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики с 24 февраля 2022 года, а также на территориях Запорожской области и Херсонской области с 30 сентября 2022 года, ставшие инвалидами вследствие ранения, контузии,

увечья или заболевания, полученных в связи с исполнением обязанностей по содействию выполнению указанных задач (подпункт 10 статьи 4).

Как отметил Конституционный Суд, положения пункта 8^1 статьи 1 и статьи 22^1 Федерального закона «Об обороне» и абзаца первого пункта 5^1 статьи 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» имеют собственный предмет регулирования и не могут рассматриваться как дающие основания для того или иного решения вопроса о возможности дифференциации регулирования, осуществляемого субъектами Российской Федерации на основании Федерального закона «О ветеранах».

Осуществляя на основании конституционных предписаний дискреционные полномочия в сфере социальной поддержки защитников Отечества и членов их семей, именно федеральный законодатель разрешает вопрос об установлении особенностей предоставления мер такой поддержки в отношении тех или иных категорий лиц. До установления федеральным законодателем таких особенностей, в частности, в отношении отдельных категорий граждан, принимающих (принимавших) участие в специальной военной операции (содействующих (содействовавших) выполнению ее задач), субъекты Российской Федерации, устанавливая в рамках предоставленных им полномочий дополнительные меры социальной поддержки граждан из числа лиц, участвовавших в специальной военной операции, и членов их семей, не вправе вводить не основанную на нормах федерального законодательства дифференциацию правового регулирования в указанной сфере.

6. Определением от 24 сентября 2026 года № 2440-О Конституционный Суд проанализировал положения статьи 40 Федерального закона от 28 апреля 2023 года № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».

Согласно положениям статьи 40 указанного Закона:

проверка наличия или отсутствия у лица гражданства Российской Федерации может проводиться федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел и его территориальными органами, федеральным органом исполнительной власти в сфере международных отношений, дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями по собственной инициативе в случае получения ими информации, свидетельствующей о нарушении порядка приобретения или прекращения гражданства Российской Федерации либо об отсутствии сведений о приобретении гражданства Российской Федерации лицом, получившим паспорт, а также в связи с реализацией международных

договоров Российской Федерации о реадмиссии и в иных случаях, если установление факта наличия или отсутствия гражданства Российской Федерации необходимо для реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий государственных органов Российской Федерации (часть 2);

порядок проведения проверки наличия или отсутствия у лица гражданства Российской Федерации, форма заключения об установлении факта наличия или отсутствия гражданства Российской Федерации, порядок учета данных заключений и сроки их хранения устанавливаются федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел совместно с федеральным органом исполнительной власти в сфере международных отношений (часть 4).

Ранее действовавшее регулирование, в частности Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» содержал положения, направленные на урегулирование правового статуса отдельных категорий лиц, находящихся на территории Российской Федерации, в отношении которых в результате проверки установлен факт неприобретения российского гражданства на основе Закона Российской Федерации от 28 ноября 1991 года № 1948-I «О гражданстве Российской Федерации». В ныне действующем Федеральном законе от 28 апреля 2023 года № 138-ФЗ содержатся, по существу, аналогичные положения, которые позволяют иностранным гражданам и лицам без гражданства, получившим паспорт гражданина Российской Федерации, но не приобретшим российское гражданство, приобрести его в облегченном порядке и продолжить проживание в Российской Федерации в статусе ее гражданина (статья 44).

Оспоренное во взаимосвязи с данными положениями правовое регулирование образует единый механизм разрешения спорных вопросов гражданства в отношении указанной категории лиц на основе баланса частных и публичных интересов, создавая нормативные льготные условия для преодоления правовой неопределенности статуса личности.

Надлежащая реализация данного механизма обеспечена контролем со стороны судебных органов.

7. Определением от 24 сентября 2026 года № 2441-О Конституционный Суд проанализировал положения частей 4 и 16 статьи 5^{1} Закона Московской области от 7 июня 1996 года № 23/96-ОЗ «О регулировании земельных отношений в Московской области».

Согласно положениям статьи 5^{1} указанного Закона:

решение об изменении одного вида разрешенного использования земельного участка на другой вид такого использования отменяется органом местного самоуправления в случае невнесения собственником земельного участка в полном объеме платы за изменение вида разрешенного использования земельного участка в срок, установленный частью 16 данной статьи; вид разрешенного использования земельного участка подлежит возврату к ранее установленному виду такого использования (часть 4, утратившая силу на основании Закона Московской области от 8 июля 2021 года № 143/2021-ОЗ);

собственник земельного участка обязан внести плату за изменение вида разрешенного использования земельного участка в тридцатидневный срок со дня получения уведомления о размере такой платы (часть 16 в редакции, действовавшей до вступления в силу Закона Московской области от 8 июля 2021 года № 143/2021-ОЗ).

Как отметил Конституционный Суд, в условиях высокой рыночной стоимости земли под строительство в Московской области плата за изменение вида разрешенного использования препятствует необоснованному массовому изменению видов такого использования в целях сохранения баланса интересов публичных и частных субъектов в сфере землепользования и градостроительства, она также способствует допуску застройщиков, которые имеют возможность вкладывать финансовые средства в инфраструктурное развитие территории. Следовательно, нет оснований считать, что такая плата установлена с нарушением принципов равенства и справедливости, произвольно и исключительно в фискальных целях: в действительности она выступает в качестве компенсационно-регулятивного платежа, имеющего объективные экономические предпосылки. Не влияет на этот вывод и то, что для собственников земельных участков в городе Москве не предусмотрены аналогичные правила исчисления платы за изменение вида разрешенного использования в тех случаях, когда кадастровая стоимость земельного участка осталась прежней или уменьшилась в результате такого изменения. Подобная разница вызвана неодинаковыми экономическими условиями землепользования в данных субъектах Российской Федерации, в том числе повышенным спросом на земельные участки в Московской области для индивидуального жилищного строительства.

Плата за изменение вида разрешенного использования земельного участка обусловлена также экономической выгодой самого правообладателя, инициировавшего выбор вида разрешенного использования. Такая выгода может состоять не в увеличении кадастровой стоимости земельного участка,

а в приобретении возможности строительства на нем и возможности дальнейшего использования построенного объекта в хозяйственной деятельности.

8. Определениями от 24 сентября 2026 года № 2442-О-Р и № 2443-О-Р Конституционный Суд отказал в удовлетворении ходатайств об официальном разъяснении Постановления Конституционного Суда от 21 июля 2026 года № 52-П.

В указанном Постановлении Конституционный Суд отметил, что признание пункта 1 статьи 394 и пункта 15 статьи 396 Налогового кодекса Российской Федерации неконституционными не является основанием для пересмотра исполненных налогоплательщиками обязательств по уплате земельного налога за предшествующие вынесению Постановления налоговые периоды, а также текущий налоговый период, за исключением налоговых обязательств заявителя и налогоплательщиков, обратившихся до вынесения Постановления за судебной защитой, дела или жалобы которых на указанный момент поданы и (или) находятся на рассмотрении (изучении) судов (в том числе максимально высокой для данной категории дел инстанции). Вместе с этим повышающие коэффициенты, предусмотренные пунктом 15 статьи 396 данного Кодекса, не могут, как сказано в Постановлении, применяться при исчислении земельного налога в отношении земельных участков, которые предназначены для индивидуального жилищного строительства и используются в предпринимательской деятельности и ввиду этого облагаются по налоговым ставкам, установленным в пределах 1,5 процента в соответствии с подпунктом 2 пункта 1 статьи 394 данного Кодекса, начиная с нового налогового периода, если федеральным законодателем не будет установлено иное.

Следовательно, в текущем налоговом периоде 2026 года и в предшествующих ему периодах, в том числе за период 2025 года, повышающие коэффициенты подлежат применению, при этом суммы земельного налога (авансовые платежи), исчисленные с учетом повышающих коэффициентов за указанные налоговые периоды и уплаченные в бюджет, возврату не подлежат. Однако же на возврат налогов или на их исчисление без учета повышающих коэффициентов (если налог не был уплачен) за указанные налоговые периоды могут рассчитывать те налогоплательщики, которые обратились за судебной защитой в отношении соответствующих налоговых периодов до вынесения Постановления и чьи дела находятся на рассмотрении (изучении) судов. Те же налогоплательщики, которые до вынесения Постановления не обращались за судебной защитой, не вправе

рассчитывать на неприменение повышающих коэффициентов при исчислении земельного налога за налоговый период 2026 года и предшествующие ему налоговые периоды, а также на пересмотр с учетом этого своих налоговых обязательств; размер их налоговых обязательств за указанные налоговые периоды (2026 год, 2025 год и предшествующие годы) подлежит определению с учетом повышающих коэффициентов.

В отмеченном Постановлении Конституционный Суд прямо указал на пересмотр конкретного дела ООО «Корнер Казань», послужившего поводом для обращения с жалобой в Конституционный Суд. Соответственно, на другие дела с участием заявителя это указание о пересмотре не распространяется, что не исключает пересмотр таких дел с учетом иных указаний Конституционного Суда, содержащихся в Постановлении, в том числе относительно дел лиц, не участвовавших в соответствующем конституционном судопроизводстве.

При этом Конституционный Суд связал возможность соответствующего пересмотра дел налогоплательщиков только с начатой ими до вынесения Постановления судебной защитой своих прав.

Что же касается вопроса о возможности пересмотра на основании Постановления налоговых обязательств налогоплательщиков в сторону увеличения, то в Постановлении прямо указано, что оно не действует с обратной силой, т.е. не предполагает пересмотра судебных актов, в которых судами сделан вывод о том, что повышающие коэффициенты не должны применяться.

II
Конституционные основы трудового законодательства и социальной защиты

9. Постановлением от 22 сентября 2026 года № 54-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части второй статьи 7 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 года № 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей».

Указанное законоположение являлось предметом рассмотрения в той мере, в какой на его основании решается вопрос о возможности одновременного получения двух пенсий не вступившими в новый брак супругами военнослужащих, после увольнения со службы умерших вследствие военной травмы.

Оспоренная норма признана не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, она исключает возможность одновременного получения двух пенсий не вступившими в новый брак супругами военнослужащих, после увольнения со службы умерших вследствие военной травмы, в том числе вследствие увечья или заболевания, которые согласно заключению военно-врачебной экспертизы были получены при исполнении обязанностей военной службы и обусловили признание военнослужащего негодным к военной службе, установление ему инвалидности, а в дальнейшем – его смерть.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений не вступившим в новый брак супругам указанных военнослужащих предоставляется право на одновременное получение двух пенсий на условиях, предусмотренных оспоренным законоположением.

Судебные постановления, вынесенные на основании оспоренного законоположения в той мере, в какой оно признано не соответствующим Конституции Российской Федерации, по делу заявительницы, а также по делам других супругов указанных военнослужащих, заявлявших такие же требования, в удовлетворении которых было отказано по тому же основанию, подлежат пересмотру в установленном порядке.

10. Постановлением от 24 сентября 2026 года № 55-П Конституционный Суд дал оценку конституционности взаимосвязанных положений частей первой и второй статьи 6 Трудового кодекса Российской Федерации и частей 1 и 4 статьи 1 Закона Республики Татарстан от 19 февраля 1992 года № 1448-XII «О праздничных днях и памятных датах Республики Татарстан».

Указанные взаимосвязанные нормы являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании решается вопрос о возможности освобождения от работы работников организаций, финансируемых из федерального бюджета, в установленные нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации нерабочие праздничные дни, а также о предоставлении им предусмотренных Трудовым кодексом Российской

Федерации гарантий, связанных с привлечением к работе в нерабочие праздничные дни.

Оспоренные взаимосвязанные положения признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – допуская установление органами государственной власти субъекта Российской Федерации дополнительных к предусмотренным Трудовым кодексом Российской Федерации нерабочих праздничных дней на территории соответствующего субъекта Российской Федерации и устанавливая такие дни в Республике Татарстан – они не предполагают различного подхода к предоставлению работникам указанных дней в зависимости от источника финансирования работодателя и потому не препятствуют освобождению от работы работников организаций, финансируемых из федерального бюджета, в предусмотренные нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации нерабочие праздничные дни, а в случае привлечения работников данных организаций к работе в указанные дни – предоставлению им работодателем гарантий, установленных Трудовым кодексом Российской Федерации для случаев привлечения работников к работе в нерабочие праздничные дни.

Придание иного смысла оспоренным взаимосвязанным положениям (а также нормативным правовым актам иных субъектов Российской Федерации, которыми аналогичным образом установлены нерабочие праздничные дни для работников организаций, финансируемых из федерального бюджета) приводило бы к нарушению как прав граждан, так и основополагающих принципов федеративного устройства Российской Федерации и вступало бы тем самым в противоречие со статьями 1 (часть 1), 5 (часть 3), 21 (часть 1), 37 (часть 5), 72 (часть 1, пункты «б», «е», «к») и 75^{1} Конституции Российской Федерации.

11. Постановлением от 29 сентября 2026 года № 56-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений пункта 1 части 2 статьи 24, части 1 статьи 29 и пункта 7 части 1 статьи 33 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Указанные законоположения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования, в частности во взаимосвязи с пунктом 2 части 2 и частью 6 статьи 29 названного Федерального закона, выступают основанием для увольнения гражданского служащего в связи с его отказом продолжить службу по

замещаемой должности в другой местности вследствие изменения по инициативе представителя нанимателя условий служебного контракта, вызванного изменением условий профессиональной служебной деятельности.

Оспоренные положения признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования, в частности во взаимосвязи с указанными нормами данного Федерального закона, допускают увольнение гражданского служащего без предоставления ему гарантий, направленных на смягчение негативных последствий увольнения, в случае его отказа от продолжения государственно-служебных отношений по замещаемой должности в другой местности в связи с изменением по инициативе представителя нанимателя условий служебного контракта, вызванным изменением условий профессиональной служебной деятельности, связанным с перемещением структурного подразделения государственного органа, в котором он замещает должность гражданской службы, в другую местность (включая прекращение его служебной деятельности на территориально обособленном рабочем месте).

Увольнение гражданского служащего в условиях, указанных в пункте 1 резолютивной части данного Постановления, впредь должно осуществляться с предоставлением гарантий, предусмотренных для случаев увольнения в связи с сокращением должностей гражданской службы в государственном органе.

12. Постановлением от 30 сентября 2026 года № 57-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положения пункта 3 части 2 статьи 1 Федерального закона от 19 июля 2011 года № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Указанное законоположение являлось предметом рассмотрения в той мере, в какой на его основе решается вопрос о включении в состав семьи сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации (гражданина Российской Федерации, уволенного со службы в органах внутренних дел) его совершеннолетних детей, не достигших возраста 23 лет, обучающихся в образовательных организациях по очной форме обучения и имеющих в собственности жилые помещения, при определении оснований для снятия такого сотрудника (гражданина Российской Федерации, уволенного со

службы в органах внутренних дел) и членов его семьи с учета для получения единовременной социальной выплаты.

Оспоренное законоположение признано не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования оно не препятствует исключению из состава семьи такого лица его совершеннолетних детей в возрасте до 23 лет, обучающихся в образовательных организациях по очной форме обучения и владеющих на праве собственности жилыми помещениями (в частности, самостоятельно ими приобретенными), состоящих на учете для получения единовременной социальной выплаты в целях приобретения или строительства жилого помещения в составе семьи сотрудника (гражданина Российской Федерации, уволенного со службы в органах внутренних дел), но фактически с ним не проживающих и обеспечивающих себя средствами к существованию (имеющих собственный источник дохода), при определении оснований для снятия этого лица и совместно проживающих с ним членов семьи с данного учета.

Придание указанному положению иного смысла – в том случае, когда уровень обеспеченности сотрудника (гражданина Российской Федерации, уволенного со службы в органах внутренних дел) и совместно проживающих с ним членов его семьи общей площадью жилого помещения составляет менее 15 квадратных метров на одного члена семьи, – не согласовывалось бы с предписаниями статей 7, 19 (часть 1), 40 (части 1 и 3), 55 (часть 3) и 75^1 Конституции Российской Федерации.

III
Конституционные основы частного права

13. Постановлением от 7 июля 2026 года № 46-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений абзаца пятого пункта 42^1 и абзаца первого пункта 43 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 года № 354, а также формул 3^1 и 3^7 приложения № 2 к данным Правилам.

Указанные взаимосвязанные положения, а также названные формулы являлись предметом рассмотрения в той мере, в которой ими определяется порядок учета количества тепловой энергии, расходуемой на оказание

коммунальной услуги по отоплению, и последующего исчисления размера платы за данную услугу, оказываемую внутри многоквартирного дома, оборудованного коллективным (общедомовым) прибором учета тепловой энергии, в котором одно или несколько (но не все) жилых и нежилых помещений оборудованы индивидуальным прибором учета тепловой энергии.

Оспоренные нормы и формулы признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования:

не допускают использования показаний индивидуальных приборов учета тепловой энергии, расположенных в помещениях многоквартирного дома, оборудованного коллективным (общедомовым) прибором учета тепловой энергии, для расчета теплопотребления в не оборудованных индивидуальными приборами учета помещениях, если теплопотребление в первых существенно ниже, чем в последних в силу действующих нормативных требований или принятых энергосберегающих мер;

предполагают – если Правительством Российской Федерации не будет установлен специальный порядок расчета, отличающийся от предусмотренного указанными положениями, – что расчет теплопотребления в отапливаемых помещениях такого многоквартирного дома, не оборудованных индивидуальными приборами учета тепловой энергии, должен производиться исходя из общей площади всех указанных помещений, а также разницы между общим количеством тепловой энергии, учтенным коллективным (общедомовым) прибором учета, и ее количеством, учтенным индивидуальными приборами учета.

Придание иного смысла оспоренному регулированию приводило бы к нарушению конституционных прав граждан и вступало бы в противоречие со статьями 7 (часть 1), 17 (часть 3), 19 (часть 1), 35 (часть 1), 40 (части 1 и 2) и 75^{1} Конституции Российской Федерации.

14. Постановлением от 9 июля 2026 года № 47-П Конституционный Суд дал оценку конституционности подпункта 9 пункта 2 статьи 39^{3} Земельного кодекса Российской Федерации и абзаца первого пункта 4 статьи 10 Федерального закона от 24 июля 2002 года № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения».

Указанные законоположения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой они служат основанием для решения вопроса о продаже без проведения торгов земельного участка, находящегося в публичной

собственности и предназначенного для сельскохозяйственного производства, лицу, арендующему этот участок, при наличии информации о допущенных им нарушениях законодательства Российской Федерации в отношении этого и (или) иного земельного участка аналогичного назначения.

Оспоренные нормы признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они, предоставляя право на приобретение в собственность без проведения торгов такого земельного участка его арендатору по указанным в этих нормах основаниям, не исключают правомочия исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления, уполномоченных на предоставление находящихся в государственной или муниципальной собственности земельных участков, – с учетом количества, характера и последствий выявленных в течение трех предшествующих лет нарушений законодательства при использовании данного или иного участка аналогичного назначения, находящегося во владении этого лица (независимо от оснований владения), – отказать в продаже испрашиваемого земельного участка без проведения торгов, если эти нарушения:

повлекли неустранимые последствия или послужили основанием ввиду их серьезного характера для привлечения арендатора (действующих от его имени должностных лиц) к административной либо уголовной ответственности или носили систематический характер, что свидетельствует, несмотря на их устранение полностью или в части, о значительных рисках использования арендатором испрашиваемого участка не по целевому назначению, значительного снижения его плодородия или причинения ему иного существенного вреда.

Придание оспоренным законоположениям иного смысла приводило бы к нарушению баланса частных и публичных интересов в сфере природопользования и охраны окружающей среды и вступало бы в противоречие со статьями 8 (часть 2), 9, 36, 55 (часть 3) и 75^{1} Конституции Российской Федерации.

15. Постановлением от 16 июля 2026 года № 49-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 1 статьи 54, пункта 2 статьи 61 и статьи 69 Семейного кодекса Российской Федерации.

Указанные взаимосвязанные законоположения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании решается вопрос о возможности прекращения правовой связи достигшего совершеннолетия гражданина с родителем, ранее совершившим в отношении него

преступление, совершение которого является основанием для лишения родительских прав.

Оспоренные взаимосвязанные нормы признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они не препятствуют рассмотрению и удовлетворению судами исковых заявлений о лишении родительских прав, поданных совершеннолетними гражданами в указанном случае.

Придание этим законоположениям иного смысла приводило бы к нарушению конституционных прав совершеннолетних граждан, в отношении которых ранее родитель совершил преступление, и вступало бы в противоречие со статьями 2, 17, 18, 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 23 (часть 1), 38, 45, 46 (часть 1), 52 и 75^{1} Конституции Российской Федерации.

16. Постановлением от 20 июля 2026 года № 51-П Конституционный Суд дал оценку конституционности абзаца третьего подпункта «д» пункта 3 Постановления Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2021 года № 2571 «О требованиях к участникам закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации», а также позиции 18 приложения к данному Постановлению.

Указанные положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании разрешается вопрос о документах, подтверждающих соответствие участника закупки товаров, работ или услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд дополнительным требованиям, утвержденным данным Постановлением Правительства Российской Федерации, когда сведения о ранее исполненном участником закупки контракте включены в реестр контрактов, содержащий сведения, составляющие государственную тайну.

Оспоренные положения – которые в системе действующего правового регулирования не предусматривают возможности представить в подтверждение соответствия участника закупки дополнительным требованиям, утвержденным указанным Постановлением Правительства Российской Федерации, выписку из реестра контрактов, содержащего сведения, составляющие государственную тайну, вместо документов, предусмотренных этим приложением, в иных, помимо названных в позициях 19–23 приложения к этому Постановлению Правительства Российской Федерации, случаях и не лишают такое лицо возможности участвовать в

закупках товаров, работ или услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и подтверждать выполнение названных дополнительных требований путем представления документов, относящихся к исполнению контрактов, сведения о которых не включены в указанный реестр, – признаны соответствующими Конституции Российской Федерации.

IV
Конституционные основы уголовной юстиции

17. Постановлением от 17 июля 2026 года № 50-П Конституционный Суд дал оценку конституционности статей 318 и 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Указанные законоположения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании решается вопрос о возвращении и о последующем отказе в принятии судом к своему производству заявления о преступлении по уголовному делу частного обвинения ввиду несоответствия такого заявления предъявляемым к нему требованиям.

Оспоренные нормы признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они:

не допускают возвращения судом такого заявления лицу, его подавшему, а также последующего отказа в его принятии к производству ввиду неполноты юридического описания или ввиду недоказанности события предполагаемого преступления, недостоверности приводимых фактических сведений, неуказания полных персональных данных лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и свидетелей, а равно иных сведений, которыми потерпевший не может или не должен располагать; при этом суд уполномочен оказать лицу, подавшему заявление, содействие в получении таких сведений по его ходатайству;

предполагают полномочие суда при очевидном отсутствии признаков преступления, уголовное дело о котором относится к частному обвинению, возвратить заявление (с разъяснением права на обращение за защитой своих прав в ином порядке, если таковой предусмотрен законом), а в случаях, когда заявление подлежит рассмотрению в порядке частно-публичного или публичного обвинения, – направить его в компетентный орган для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;

обязывают суд при возвращении заявления (а впоследствии – при отказе в его принятии к своему производству) вынести мотивированное постановление с конкретным указанием всех недостатков заявления, которое

позволяет лицу, его подавшему, устранить их в установленный срок либо аргументированно оспорить решение суда; если же указанные судом недостатки были заявителем в установленный срок устранены, суд не вправе отказать в принятии заявления к производству.

Придание оспоренным законоположениям иного смысла в системе действующего правового регулирования приводило бы к умалению достоинства личности, нарушению права на доступ к правосудию и на эффективную судебную защиту, а также необходимого баланса интересов потерпевшего и лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и вступало бы в противоречие со статьями 17 (часть 3), 21 (часть 1), 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации.

Заявительница имеет право на применение в отношении нее компенсаторных механизмов, чьи форма и размер определяются судом, рассмотревшим в первой инстанции ее дело, в котором применены оспоренные законоположения.

18. Постановлением от 22 июля 2026 года № 53-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части третьей статьи 214 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Указанные законоположения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании в системе действующего правового регулирования разрешается вопрос о прекращении уголовного дела, по которому не установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, и о возобновлении производства по делу в случаях, когда истекли сроки давности уголовного преследования, предусмотренные статьей 78 УК Российской Федерации.

Оспоренные положения – в силу которых истечение сроков давности уголовного преследования является основанием для прекращения уголовного дела и обстоятельством, препятствующим возобновлению производства по этому прекращенному делу, в том числе в случае, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, – признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают следующее:

потерпевшему обеспечиваются право на эффективное расследование, которое должно быть проведено до истечения сроков давности уголовного преследования, право на возмещение вреда в порядке гражданского судопроизводства, включая доступ к материалам прекращенного уголовного

дела для обоснования исковых требований, и право на компенсацию за нарушение разумного срока судопроизводства;

производство по прекращенному уголовному делу может быть возобновлено в том числе по жалобе потерпевшего в связи с обстоятельствами, свидетельствующими о том, что срок давности не истек либо не подлежал применению;

при установлении лица, причастного к совершению преступления, по результатам проверки посредством применения процессуального инструментария в порядке, аналогичном предусмотренному статьей 144 УПК Российской Федерации, ранее вынесенное постановление о прекращении уголовного дела может быть отменено с одновременным вынесением нового – персонифицированного – уголовно-процессуального решения, что, в частности, способствует реализации права потерпевшего на возмещение вреда в порядке гражданского судопроизводства и требует предоставления лицу, в отношении которого имеется подозрение в совершении преступления, права на защиту чести и доброго имени посредством возражения против прекращения уголовного преследования по данному основанию.

Придание данным нормам иного смысла в системе действующего правового регулирования вступало бы в противоречие со статьями 15 (часть 2), 19 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 52 Конституции Российской Федерации, поскольку означало бы отказ от принципа правовой определенности и лишало бы потерпевшего эффективных гарантий судебной защиты.

19. Определением от 24 сентября 2026 года № 2438-О Конституционный Суд проанализировал положения пунктов 10, 11 и 12 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно оспоренным положениям при постановлении приговора суд в совещательной комнате помимо прочего разрешает следующие вопросы: подлежит ли удовлетворению гражданский иск, в чью пользу и в каком размере; как поступить с имуществом, на которое наложен арест для обеспечения исполнения наказания в виде штрафа, для обеспечения гражданского иска или возможной конфискации; как поступить с вещественными доказательствами.

Конституционный Суд указал, что если при разрешении уголовного дела судом была установлена принадлежность арестованных денежных средств лицу, потерпевшему от преступления, уголовное дело о котором входило в предмет судебного разбирательства, то они подлежат

возвращению ему как их собственнику (законному владельцу) вне зависимости от того, по какому уголовному делу постановлен обвинительный приговор: основному или выделенному из него. Арест денежных средств, вопрос о принадлежности которых разрешен судом в приговоре, наложенный в ходе производства по уголовному делу для обеспечения гражданского иска потерпевшего, также отменяется для удовлетворения его имущественных требований, вопрос о которых разрешен судом в приговоре и (или) в порядке гражданского судопроизводства. Иное приводило бы к неисполнению решения суда в части удовлетворения гражданского иска потерпевшего, к продолжению ограничения его права собственности, а, учитывая обстоятельства и длительность производства по уголовному делу, вплоть до истечения сроков давности, фактически к лишению потерпевшего этого права, причем самим государством, без судебного решения и без предварительного и равноценного возмещения.